

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ В СРЕДНЕАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Материалы Международной
научно-практической конференции

ISBN 978-5-906411-57-0

9 785906 411570

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД СОДЕЙСТВИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ, ДУХОВНОГО
РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ «ПРОСВЕТИТЕЛЬ»**

**ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР УЗБЕКИСТАНА

**Русский язык
как средство общения
в среднеазиатском регионе**

Материалы Международной
научно-практической конференции
20-21 декабря 2019 года
г. Ташкент

Москва
Фонд «Просветитель»
2020

ББК 81.411.2
УДК 811.161.1
Р – 89

Рецензент

А.П. Фурсов, главный редактор журнала «Русская словесность», поэт, член Союза писателей России

Р – 89 Русский язык как средство общения в среднеазиатском регионе. Материалы Международной научно-практической конференции. 20-21 декабря 2019 года. г. Ташкент / Ред.-сост. Н.В. Никольская, М.Г. Федорова. М.: Фонд «Просветитель», 2020. 383 с.

Сборник включает доклады и выступления участников Международной научно-практической конференции «Русский язык как средство общения в среднеазиатском регионе», в которой приняли участие учёные и практики Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана и России.

ISBN 978-5-906411-57-0

© Фонд «Просветитель», 2020

*Остапенко А.А., Хагуров Т.А.,
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия*

Языковые вторжения как факторы неокриминализации и молодёжного экстремизма¹

Господствующим философским и культурным течением современности стал *постмодернизм*, суть которого можно определить как философию *неверия* и *неразличения*. Неверия в Истины и Ценности. Вслед за софистами и скептиками (его первопроходцами) постмодернизм заявил о «кризисе Больших идей» – идей Бога, Разума, Прогресса и т.п.² Нет Истины – есть бесконечное множество малых истин – интерпретаций действительности, мнений. Нет добра и зла – есть просто разные *названия* того, что нравится или нет. Отнюдь не случайно в центре сложных, а часто намеренно запутанных построений постмодернизма находится вопрос о языке, а в центре этого вопроса – вопрос о том, как связано *слово* и *бытие*, вопрос о связи *означающего* и *означаемого*. Это вопрос отнюдь не отвлечённый, а вполне жизненный, вполне практический. Задумаемся: то, что мы в какой-то ситуации называем «Добром» или, например, «Любовью», действительно *является* таковым? Или это просто *названия*, не имеющие под собой оснований в реальности? И кто-то может назвать это же «злом» или «обманом чувства»? И не надо отговорок в стиле «каждый имеет право думать по-своему». Разумеется, люди часто спорят по поводу того, как определить конкретные вещи, явления или собы-

---

¹ Доклад подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект РФФИ № 19-011-00440 «Глубинные причины подростковой (нео)криминализации в современной России».

² См.: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с ф. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетей. 1998.

тия, но речь-то ведь идёт о другом – о *принципиальной возможности* такого определения.

Классическое сознание, неважно религиозное или научное, целиком верит в возможность ясного определения – установления объективной Истины. Сознание неклассическое усматривает на этом пути существенные сложности, обращает внимание на метод определения, но от самой веры в возможность обретения Истины, пусть даже проблематичной и неполной, не отказывается. Сознание же постнеклассическое (постмодернистское), от этой веры отказывается вовсе, заменяя Истину (а значит и ложь) бесконечным множеством равнозначных и равноценных *интерпретаций*, т.е. мнений. Наука, политика, религия – все сферы человеческой жизни, где ведущая роль принадлежит слову, вырождаются в «языковые игры» – ни к чему не обязывающие и не имеющие иной ценности, кроме эстетической или прагматической, да и те оказываются сомнительными. Красота или польза – тоже ведь спорные вещи. К каким последствиям это приводит?

Главное последствие – это *утрата способности различать*. Различать высокое и низкое, важное и мелочное, красивое и уродливое, уместное и не очень, истинное и ложное, умное и глупое – это, в конечном счёте, различать добро и зло. Утрата способности к различению достаточно быстро ведёт к потере очень важного – *человечности*, – ведёт к дегуманизации, расчеловечиванию. Человек ведь создаётся системой различений и следующих из них запретов (табу) и предписаний. «Хорошо/плохо» и «должен/нельзя» – вот система координат, в которой происходит формирование личности. Вне этих координат полноценной социализации не получится. Это не значит, что эти координаты *достаточны*, но они совершенно *необходимы*. Иначе вместо нормального человека, способного к нравственной регуляции поведения, мы получаем

социопата, опасного для себя и окружающих. Итак, различать и на основании этого различия строить своё поведение – вот фундаментальное свойство человека, прямо вытекающее из его разумности и того, что И. Кант называл «нравственным законом».

Главный инструмент различения – это слова. И подлинное различие возможно лишь тогда, когда мы верим в то, что слова действительно что-то означают. Говоря о силе слова, И. Бродский (поэты умеют в ярких образах схватывать сложные мысли философов) писал:

*Дорогая, несчастных –
Нет, нет мёртвых, живых.
Всё – только пир согласных
На их ножках кривых...*

Буквальное прочтение этого отрывка на первый взгляд и есть махровый постмодернизм. Но поэт продолжает:

*Видно сильно превысил
Свою роль Свинопас,
Чей нетронутый бисер
Переживёт всех нас.*

Здесь явная отсылка к источнику слова – Богу, дающему дар слова тем, кто даже не в состоянии его до конца оценить. Другими словами, поэт говорит о глубочайшей *онтологичности* слова, его привязке к глубинам бытия. Именно отсюда замечательная мысль И. Бродского о том, что *язык гораздо умнее говорящих на нём.*

Всё сказанное выше очень схематично отражает суть дискуссий о философии языка в XX веке.

Однако, при чём тут молодежный экстремизм? Дело в том, что во всех политических потрясениях последних десятилетий, буквально взорвавших целые регионы (от Северной Африки до Украины), именно молодёжь была главным детонатором протестов и столкновений. На примере и братской страдающей Украины, и других

стран, переживших цветные революции (Ливия, Египет, Тунис, Сирия и т.д.), мы наглядно видим, как вдохновлённая лозунгами (*т.е. словами!*) и выходящая на площади молодёжь становится тараном, разрушающим общество и государство. Разумеется, за спинами наивно-озверевшей молодежи, бросающей «коктейли Молотова» во имя «восстановления исторической справедливости», всегда стоят совсем другие люди – взрослые, умные, холодные и злые. Но о них разговор особый, требующий другой аналитики и другого формата обсуждения.

В этой же статье нам бы хотелось поговорить о тех деформациях языка, слова, последствия которых отдаются эхом на площадях и улицах охваченных огнём протестов и столкновений. Уместен вопрос: а не преувеличиваем ли мы значения обсуждаемого предмета? В конце концов кризис языка – проблема скорее культурологов и эстетов, а не политиков. Однако не всё так просто. Не случайно очень часто вопрос о языке превращался в важнейший политический вопрос. Примером может служить отношение к русскому языку в современной Украине.

Это связано с тем, что любой народ вообще, а имперский, объединяющий в себе много этносов и культур, в особенности, создают, прежде всего, две важнейшие скрепы: общий язык и общую историю. Это – историко-софская аксиома. И когда соперники народа пытаются его уничтожить (принизить, поработить и т.п.), они всегда ведут главную войну не против солдат и пушек, но против языка и истории. В этой войне выигрывают и побеждают не солдаты и генералы, а учителя истории и литературы и министры образования. Проблем истории мы уже касались³, обратимся к проблемам языка.

---

³ См.: Хагуров Т.А. Война, которую может выиграть учитель истории и литературы. Размышления социолога к 150-летию окончания Кавказской войны // Основы православной культуры в школе. 2014. № 4. С. 10-23.

Итак, язык – это важнейшая скрепа, объединяющая нации и народности в один большой народ. В виду сложности и обширности этой темы скажем лишь самое главное.

Людям, составляющим народ, важно не просто изъясняться так, чтобы понимать друг друга, им нужно нечто большее. Это большее – единство образов, метафор и выражаемых ими смыслов и ценностей, единство понимания сути и назначения человека и предельных вопросов человеческого бытия, единство примеров и героев, на которых можно воспитывать детей и объяснять им сложность и противоречивость жизни. Всё это даёт народу его литература, несущая и сохраняющая его язык – хранилище смыслов и образов. Для нашего великого народа таким хранилищем, безусловно, есть язык *Великой русской литературы*, представляющей собой одну из величайших (если не самую великую) вершин мирового литературного смыслотворчества. Однако неправильно, как это иногда делается, сводить великую русскую⁴ литературу к её «золотому веку» – уникальным по своей глубине и выразительности творениям Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова и других классиков. Это, вне всякого сомнения, ядро нашей литературы, но *вся* она намного шире. Величие русской литературы в том, что она смогла вобрать в себя гениальных представителей *всех* народов большой России, и никогда не пыталась быть «этнически чистой». Наша великая литература всегда была интернациональной. Наиболее ярко это проявилось, конечно, в советский период. Наряду с Горьким, Шолоховым и Шукшиным в русскую литературу на равных вошли и пламенные кавказские рифмы Расула Гамзатова, и пронзительная проза Чингиза Айтматова, и

---

⁴ В значении «The Russians», как называют в англоязычном мире всех выходцев из России.

сочная и реалистичная проза адыга Тембота Керашева и украинца Павла Загребельного, и огромное количество других произведений, этнически самых разных писателей, поэтов и драматургов. И в этом смысле русский язык, язык большой русской литературы – поистине язык интернациональный, вобравший в себя правду всех без исключения народов и этносов нашего общего дома – Государства Российского. Русский язык помог им выразить эту правду и мудрость.

Но нужно понимать и то, что русский язык, язык русской литературы тоже стал объектом войны. И последствия войны с языком нам нужно изживать не менее жестоко, чем последствия войны с историей, если мы хотим сохраниться как целое, как народ, имеющий общие смыслы и ценности. Ведь именно язык – их хранитель. И об этом недвусмысленно заявлено в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утверждённой 31 декабря 2015 года: «Угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также **снижение роли русского языка в мире**, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки **фальсификации российской и мировой истории**, противоправные посягательства на объекты культуры»⁵

---

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // <http://base.garant.ru/71296054/>.

Русский язык пережил в последние 20-25 лет как минимум *пять* (!) мощнейших и сокрушительных **интервенций**.

Первая из них – это **интервенция криминального сленга** (по-научному «арго», в просторечии – «феня»), захлестнувшего страну в конце 80-х – начале 90-х. На «фене» заговорили вдруг все – студенты и преподаватели, киногерои и ведущие телепрограмм, политики и философы. Слова «кинуть», «замочить», «забить стрелку», «беспредел», «лох» и т.д. и т.п. стали обыденной частью нашего языка. Это очень небезобидная вещь, связанная с проникновением в массовое сознание (вместе с языком) элементов криминальной психологии и идеологии. Возникла мода на криминальную романтику, в значительной мере институализированная кинематографом и другими массмедиа. Соответственно не приходится удивляться кратному увеличению масштабов преступности в постсоветской России. Параллельно с распространением «фени» происходило интенсивное растабуирование мата, вдруг ставшего языком не только алкоголиков и бомжей, но и вполне приличных парней-студентов и миловидных девушек-школьниц.

Вместе с языком криминальной подворотни в нашу повседневность вошли несомые этим языком смыслы – «блатная» идеология – «понятия». Суть этой идеологии часто замыливается в сознании обывателя слезливо-мелодраматичным, нагло присвоившим себе высокое название «шансон», криминальным фольклором (типа «Голуби летят над нашей зоной»). Суть эта проста – это идеология социальных хищников, безжалостных к слабым, идеология превосходства «право имеющих» над «тварями дрожащими» (в криминальном варианте – «лохами»). Идеология эта проникла повсеместно: и в нормы ведения бизнеса, и в отношения с коллегами по работе, и подростковые компании, и даже – в отношения мужчин и

женщин. «Развести» и «кинуть» – стали не просто экзотическими словами, а вполне реальными аспектами повседневных взаимоотношений соседей, коллег и однокурсников, а песня «Гоп-стоп» зазвучала со сцены Кремлёвского Дворца. Наглое воровство имени «шансон» у высокого жанра французского городского фольклора и перенос его в сферу блатного фольклора стал одним из факторов неокриминализации молодёжи на всём постсоветском пространстве. А создание радио канала «Шансон FM» и телеканалов «Ля-минор» и «Шансон-ТВ» создало почву для утверждения в правоте молодёжного неокриминального движения А.У.Е.

Вторая травмирующая язык **интервенция** – это **интервенция англицизмов**, хлынувших в нашу повседневность вместе с перестройкой и «феней». «Маркетинг», «менеджмент», «контроллинг», «аутсорсинг», «логистика», «лизинг» и т.п. – стали словами-метками, отделяющими «продвинутых» от «отсталых». В школах тьюторов, аниматоров, модераторов, фасилитаторов и омбудсменов стало чуть ли не больше, чем учителей и воспитателей. Заимствуя и активно используя весь этот англоязычный бизнес-сленг, мы все признаём одно печальное обстоятельство – русский язык перестаёт быть языком современности. Им стал английский, причём в коробящем слух людей, получивших классическое инъязовское образование, варианте «American-English». Показательно, что на Первом съезде Общества русской словесности 16 мая 2016 года его председатель патриарх Кирилл задал вопрос: «Почему латинское слово «тенденция» заменили английским «тренд»? Показать образованность, что ли? Для меня это очень плохой признак».

Третья интервенция была, по-моему, хуже двух предыдущих. Речь идет об **интернет-сленге**, буквально взорвавшем русский язык упрощениями, коверканиями и сокращениями как в письменной, так и в устной речи.

Вот только некоторые примеры уродливого интернет-восхищения: «Наши руууууляят форееевааааа!!!!!! Приве-е-ед, Пушистый! Откуда такой ко-о-ошерный аватар надыбал? Жжжешшь смертельно!!! Ржжжунемагу! Чуууууувоой фильмец вчера видала!». И если лет десять-пятнадцать назад учителя охали по поводу того, что подростки перешли на междометия, то сегодня междометия заменены чем-то ещё более отвратительным.

Четвёртая интервенция связана с повсеместной *аббревиацией* всего и вся. Аббревиатуры послереволюционной эпохи столетней давности, по поводу которых сокрушался Константин Бальмонт («Россия превратилась в РСФСР, а потом обернулась в СССР, где, протестуя манифестируя триумф коммунистической идеи и манифестацией пропагандно гипнотизируя весь комплекс цивилизации, солидаризируются ВЦИК, ЧК, Сорабис, Рабфаки, Центрогук и Комсомол») оказались бледными цветочками в сравнении с сегодняшними неприличностями. В наибольшей степени это почему-то ударило по системе образования. Воспитатели и педагоги дополнительного образования уже ходили на работу в МУДО. Сами понимаете, что они должны были называться «мудодками» или «мудистками». Когда вдруг поняли, что такое слово в словаре великорусского языка В.И. Даля уже есть и имеет строго определённый смысл, срочно ещё раз переименовали детские сады в МДОУ, а центры детского творчества в МУДОД. Учителя теперь ходят на работу в МОУСОШ, где две буквы «О» обозначают по чьему-то недогляду одно и то же. Управленцы ходят на работу в УОМО, где две буквы «О» обозначают совсем разное, хоть и соответствуют одному слову (у филологов называется омонимом). Высший пилотаж аббревиации в образовании – это МУДОФОН (муниципальное учреждение дополнительного образования физкультурно-оздоровительной направленности). Например, МУДОФОН «Центр спорта для де-

тей и юношества» или МУДОФОН «Центр массового спорта».

Результатом этих четырёх интервенций, произошедших почти синхронно стала резкая примитивизация выразительных средств актуального языка, прежде всего, языка молодежи, всё более напоминающего язык Элочки-людоедки, обогащенный матом и бизнес-терминами.

Однако, самой страшной была, наверное, **пятая интервенция**, связанная не столько с языком как таковым, сколько с *трансформацией самой литературы* и опирающегося на неё кинематографа. Об этом очень хорошо писал В. Ерофеев в предисловии к сборнику «Русские цветы зла»:

«Разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена [...] между агентами жизни и смерти (положительными и отрицательными героями). Каждый может неожиданно и немотивированно стать носителем разрушительного начала; обратное движение затруднено. [...] Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к „грязному“ слову, мату как детонатору текста. Новая литература колеблется между „черным“ отчаянием и вполне циничным равнодушием. В литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи — это вонь». Все смердит: смерть, секс, старость, плохая пища, быт. ... На место психологической прозы приходит патопсихологическая»⁶.

Это – очень точный диагноз произошедшего в современной русской литературе и вообще культуре, которая вопреки модным идеям всегда определяется именно литературой, а отнюдь не Интернетом и кинематографом, ибо они – всегда вторичны по отношению к литературе.

---

⁶ Ерофеев В. Русские цветы зла. М.: Зебра Е, 2004.

Об этом очень правильно и точно пишет тонкий западный интеллектуал У. Эко в своей статье «От Интернета к Гутенбергу»⁷. Можно назвать произошедшее *интервенцией зла*, приведшей к чудовищной вещи – *инверсии героев*. На смену традиционному герою – «хорошему парню», сражающемуся с «плохими парнями» за высокие идеалы, пришёл новый герой – симпатичный негодяй сражающийся с ещё большими негодьями за деньги и успех.

Если мы принимаем лукавый постмодернистский тезис о том, что «слова – это просто названия», затем соглашаемся, что «у каждого своя правда», то мы перестаем отличать истину от лжи, добро от зла. Ещё немного и мы уже готовы признать равнозначность «правды жертвы» и «правды убийцы». Популярные фильмы типа «Основного инстинкта», «Криминального чтива», «Молчания ягнят», «Парфюмера» и т.п. – они именно об этом. С легкой руки постмодернистского искусства мы уже давно учимся смотреть на мир глазами разного рода патологических персонажей: воров, убийц, маньяков, проституток, вампиров, зомби, инопланетян, безумных роботов и тому подобной публики. И отчасти принимать этот взгляд, становясь внутренне (пусть на мгновения, но все же...) тем, чей взгляд мы принимаем. Это не преувеличение, а простая констатация законов восприятия художественных образов, основанных на эмпатии и отождествлении. На первый взгляд это похоже на наиболее смелые опыты искусства классического, экспериментирующего с реализмом. Например, персонажи Достоевского – те же убийцы и проститутки... Но это сходство только видимое, суть прямо противоположна. У Достоевского и других классиков патологические герои, через страдания, через покаяние и искупление, через катарсис поднимаются до

---

⁷ Эко У. Интернета к Гутенбергу // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С.5-14.

приобщения к истинным ценностям. Постмодернизм же уравнивает ценности истинные и ложные, отменяя их различие. В такой интерпретации Раскольников и Соня Мармеладова, превращаются в веселых любовников-разбойников типа Бони и Клайда, по-робингудски избавляющих старуху-процентщицу от лишних денежных знаков и счастливых своей «крутостью». Совсем «другое кино», не правда ли...

«Кино» это и называется *дегуманизация* или *расчеловечивание*. Если нет ни добра, ни зла, ни низкого, ни высокого, нет ни чести, ни достоинства, то *с чем остаётся человек и что остаётся от человека?* Ответ, который даёт и теория (в лице интеллектуалов-постмодернистов от Аристиппа до М. Фуко) и, главное, историческая практика (опыт всех эпох декаданса) прост: *принцип удовольствия*. Именно он объявляется главным началом и главной реальностью. Это естественно, когда ни во что не веришь, только удовольствие и страдание (в пределе Смерть) остаются реальными. Вся постмодернисткая этика и эстетика строятся вокруг заигрывания с темами смерти и удовольствия, их смакования. При этом срabатывает любопытный, но печальный эффект: неверии в высшие смыслы и ценности порождает поклонение Низу – телесности, гипертрофированному принципу удовольствия. Постмодернисты не верят, что человек может быть выше своего желудка или своих гениталий, все попытки подняться выше, воспринимаются ими как «насилие над естественной человеческой природой». Лозунг «жить нужно в кайф» приобретает статус закона бытия. Потерявший же способность различать и убаюканный кайфом человек стремительно утрачивает свою человечность во всех измерениях: духовном, нравственном, интеллектуальном, психологическом и, наконец, физическом.

Сказанное, разумеется, схематично, но любое развернутое обсуждение упомянутых процессов потребует отдельной книги.

*Моисеев Д.А., протоиерей
г. Алатырь, Россия*

Отражение концептов сферы семейной жизни в русском языке

В русском языке, как и в любом другом языке, заложена концепция мировоззрения, т.е. воззрения на мир. Вильгельм фон Гумбольдт писал: *«различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия»*⁸.

Актуальными в настоящее время являются проблемы сохранения традиционной семьи, противодействия тем разрушительным тенденциям, которые несёт современному миру *модерн*. Ярким примером проявления этих тенденций является рекомендация Совета Европы по замене обращений «папа» и «мама» на «родитель 1» и «родитель 2», которой последовали ряд стран Европы и США.

Язык может быть активным средством для сохранения священного дара жизни, ценности семьи и непрерывности исторической традиции. Для этого необходимо обратиться к смыслу слов, к их происхождению, семантическому строю.

Семья. Слово **семья** в балто-славянских языках имеет общий корень. В русском и церковнославянском языках

---

⁸ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 324-326. <http://www.philology.ru/linguistics1/gumboldt-84b.htm>

Научное издание

**Русский язык
как средство общения
в среднеазиатском регионе**

Материалы международной конференции
20-21 декабря 2019 года
г. Ташкент

Ответственный редактор: Никольская Н.В.
Технические редакторы:
Фаизова Ф.Ш., преп. ТГПУ им. Низами,
Нигматова Ш.А., магистрант 2 курса ТГПУ им. Низами
Вёрстка дизайн обложки: Остапенко А.А.

Подписано в печать 06.05.2020
Формат: 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии Свято-Симеоновского
Архиерейского подворья
620086, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 6а